

Выйдя из усадьбы помещика Чэня, спутники не стали возвращаться в резиденцию губернатора.

— Если господин желает прогуляться по городу, я могу прислать кого-нибудь в сопровождение,
— предложил губернатор Юнчэна.

— Не нужно, — ровно ответил Вэй Шаньцюэ. — Занимайтесь своими делами, господин губернатор.

— В таком случае низжайше откланиваюсь.

Губернатор со своими слугами удалился на удивление поспешно, не тратя времени на лишние церемонии.

Пэй Чанъину это показалось ещё более странным. С чего бы местному градоначальнику так явно избегать Вэй Шаньцюэ, словно тот чумной?

Куда ни пойдёшь, на каждом углу в Юнчэне только и судачили, что о чудовище, пожирающем человеческие сердца.

Вэй Шаньцюэ отыскал самую оживлённую чайную, уселся за столик и заказал чайник чая да тарелку сладостей.

— Слыхали? В усадьбе помещика Чэня опять беда стряслась!

— Да ещё на рассвете разнеслось. Жуть какая, просто в голове не укладывается.

— А тебе-то, старому хрычу, под полтинник уже, чего бояться? Чудище ведь только на молодых да смазливых парней зарится.

— Так он небось боится, что эта тварь жрёт сердца не просто молодых, а неверных! Изменников да бабников!

— Ха-ха-ха! И то верно, запомнил я, что ты у нас знатный ходок!

Пэй Чанъин подозвал суетившегося неподалёку трактирного слугу:

— Братец, а что, этот монстр и впрямь выбирает только неверных мужей?

Поставив пиалы и исходящее паром угощение, парень вполголоса ответил:

— Да по городу всякое болтают, уважаемый. Мол, так оно и есть.

Вэй Шаньцюэ молча достал из рукава небольшой серебряный слиток и положил на край стола.

Трактирщик среагировал мгновенно: ловким, едва заметным движением смахнул серебро прямиком в широкий рукав. Сняв с плеча тряпицу, он принялся усердно тереть столешницу, понизив голос до заговорщицкого шепота:

— Те бедолаги, что сгинули... Если прилично выражаться, бабниками были знатными. А если начистоту — подлецы и негодяи, каких свет не видывал. Все они из семей с весом да деньгами. Соблазняли невинных девок из простых семей, которые им не ровня, а потом бросали без зазрения совести. Из-за них не одна бедняжка руки на себя наложила — кто в петлю, кто в колодец прыгнул!

Этих подробностей в докладах губернатора почему-то не значилось.

Пэй Чанъин тем временем взял с тарелки каштановый пирожок и с удовольствием откусил половину. Сладкий, нежный вкус мгновенно заставил его довольно зажмуриться от удовольствия:

— Ого, а это объедение!

— Сразу видно знатока! — расплылся в горделивой улыбке парень. — Наш кондитер во всём Юнчэне один из лучших, равных ему ещё поискать!

— Да ладно заливать, небось только в твоих мечтах он лучший! — беззлобно хохотнул сидевший за соседним столом завсегдатай.

Слуга лишь простодушно почесал затылок.

Заметив, как у Пэй Чанъина загорелись глаза, Вэй Шаньцюэ сделал знак завернуть оставшиеся сладости с собой.

— Братец, а где у вас в городе можно плотно и вкусно пообедать? — поинтересовался Пэй Чанъин.

— Тут и думать нечего — ступайте прямиком в Башню Номер Один. Там вам и столичные изыски подадут, и яства из самых дальних земель, даже заморские деликатесы найдутся.

— И девицы из Западных земель, жаркие, как полдневное солнце! — встрял в разговор один из посетителей.

— Тебе бы только на баб глазеть, бесстыжие твои глаза! — оборвал его приятель.

— Да ну тебя! Я, между прочим, истинный ценитель прекрасного!

— Ха-ха-ха! Ценитель без гроша в кармане! Кто тебя туда пустит, нищеврод? Только облизываться и остаётся!

Над входом красовалась лакированная вывеска, на которой размашистым, летящим почерком были выведены три золотых иероглифа: «Башня Номер Один».

Порог этого заведения обивали исключительно господа в дорогих шелках и парче, да и здешние слуги щеголяли в добротных халатах, каким позавидовал бы иной мелкий чиновник.

Спутники заняли один из свободных столов в просторном общем зале.

Им повезло: как раз в полдень должно было начаться выступление иноземных танцовщиц из Западных земель. Прежде все представления устраивали исключительно по вечерам, но после череды жутких убийств ночная жизнь в Юнчэне замерла, и владельцам заведения пришлось приспособливаться к новым порядкам, чтобы окончательно не разориться.

В отличие от строгих и сдержанных устоев империи Великая Юй, жительницы Западных земель не отличались излишней скромностью в нарядах. Танцовщицы выпорхнули на помост в алых открытых лифах и коротких юбках, едва прикрытых наброшенным поверх тончайшим, точно утренний туман, шёлком. Их обнажённые гибкие руки и стройные белые ноги так и мелькали в бешеном ритме танца, заставляя почтенную публику шумно сглатывать слюну. У большинства присутствующих буквально дух захватило от подобного зрелища, они во все глаза уставились на сцену.

Впрочем, за столиком Вэй Шаньцюэ царило абсолютное равнодушие к заморским прелестям.

Пэй Чанъин не обращал на полуголых девиц ни малейшего внимания — весь его взор был прикован к ломящемуся от яств столу: запечённая до золотистой корочки утка, сочная свиная рулька и ароматный жареный гусь манили его куда сильнее чужих бёдер.

Вэй Шаньцюэ сидел рядом, погружённый в глубокие раздумья о том, с какого конца распутывать это загадочное дело.

Лин Сяо тем временем вовсю воевал с Пэй Чанъином за самый лакомый кусок гусяной грудки.

Цзяньбэй и Шаонань молча, без лишней суеты уничтожали свою долю обеда.

Вдруг до стола донеслось благоухание пряных иноземных благовоний. Одна из танцовщиц, изящно покачивая бёдрами, плавной летящей походкой приблизилась к их компании. Кокетливо сощулив тёмные глаза, она произнесла на ломаном наречии Срединной равнины:

— Неужели скромное искусство этой рабыни совсем не трогает сердца столь благородных господ?

<http://bllate.org/book/20384/2263825>